

Рита Волкова

Мальчик

Издательство «Геликон Плюс»

ЛЮБОВЬ УБИВАЕТ

Рита Волкова

Мальчик

«Геликон Плюс»

2013

Волкова Р.

Мальчик / Р. Волкова — «Геликон Плюс», 2013

Повесть «Мальчик» написана интересным, красочным языком в совершенно необычной манере. Это что-то среднее между белым стихом и прозой. Стоит отметить, что написание самого текста также необычно. Это даже не текст, а некий поток мыслей, записанный на бумаге. Автор дает читателю поразмыслить самому. В повести нет лишних растянутых описаний, что вовсе не обедняет ее. Здесь каждое слово «к месту» и наполнено глубинным смыслом. Эта книга предназначена для вдумчивого чтения и предполагает соответствующую обстановку...

Содержание

О себе	6
Предисловие	7
Богиня первая	15
Богиня вторая	20
Богиня третья	27
Богиня четвертая	30
Богиня пятая	32
Богиня шестая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рита Волкова

Мальчик

© Волкова Р., текст, 2013

©«Геликон Плюс», оформление, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Посвящается
отцу Антипову Александру Петровичу
и брату Жене...
нашей дорогой и любимой, милой и трогательной Манечке...
Анечке Саперовой —
безвременно ушедшей girl-friend...
А также Андрею Лосюгину*

О себе

*я хочу собой остаться:
джинсы, свитер,
порох в банке из-под чая,
и уже не чаю: утро!
а в углу моя гитара ждет:
ствол с вечера начищен,
день событиями напыщен,
вечер будет как бальзам
рижский, пражский
(все равно!),
как с охотой повезет!*

эл. почта для отзывов и предложений
Prjm@ya.ru

Предисловие

Повесть «Мальчик» написана
интересным, красочным языком
в совершенно необычной манере.
Это что-то среднее
между белым стихом и прозой.
Стоит отметить, что написание
самого текста также необычно.
Это даже не текст,
а некий поток мыслей,
записанный на бумаге.
Автор дает читателю
поразмислить самому.
В повести нет лишних
растянутых описаний,
что вовсе не обедняет ее.
Здесь каждое слово «к месту»
и наполнено глубинным смыслом.
Эта книга предназначена
для вдумчивого чтения
и предполагает
соответствующую обстановку.
Ее нужно не просто читать,
а прочувствовать, осознать,
приложить воображение.
В повести интересна
и социальная тема,
тонко затронутая автором,
как явление немаловажное
для истории страны: 80—90-е годы —
разрушение «старого»
и попытки становления «нового».
Что касается
психологической стороны —
характеры героев изобилуют
чертами обычных людей,
которые не лишены
высоких чувств
и глубоких переживаний.
Любовная тема проходит
сквозь все произведение
легкой мелодией,
и лишь иногда её громкость
возрастает и заглушает течение
центральной мысли.
Эмоции героев,

безусловно, насыщенные
и неотчужденные,
но они не мешают книге
иметь ровный и положительный тон.
Любому человеку,
интересующемуся
интеллектуальной лирической прозой,
которому близки
психологические моменты, такие
как любовь,
оценка и переоценка ценностей,
просто необходимо прочитать
это новое, отличное
от работ других современных авторов
произведение!»

Б. Д.

* * *

Дом у дороги на перехлесте двух улиц —
Липовой и Тополиной,
с зелено-бурой крышей,
которая вот-вот «зацветет» травой,
с антенной-паутиной,
с красной кирпичной трубой
и беленым фасадом.
Вот такой он, наш дом!
Дом в котором железо
называют колчеданом!¹
Его построил мой дедушка,
и я безгранично благодарна ему за все чудеса,
которые он делает для меня,
а для меня он делает многое,
а для меня он не только дедушка, но и отец.

* * *

В этом доме есть комната —
самая маленькая из шести.
Это твоя комната,
которая никогда по сути
и не была моей!

¹ Из фильма «Дом в котором мы живем». (Здесь и далее примечания автора.)

Я здесь, как гость.
Под белоснежным потолком
висит лампочка из фиолетового стекла,
на стенах – портреты девиц-красавиц
в исполнении художника Sara Moon.
Зеленый гипсовый аллигатор
купается в лучах желтого бра
на противоположной стороне стены.
Он уронил свою хрустальную голову
в изголовье кровати
и освещает прямоугольник
атласного покрывала.
За окном под майским солнцем
нежатся «степные голландцы»:
красные, с черным сердцем
в глубине венчика.
Как хочется нырнуть носом
в душистую чашечку
и целовать,
целовать их шелковистые лепестки!
Многие таяли от твоих зеленых глаз.
Многие бывали в твоей спальне.
Старая няня грела в котельной
студеную колодезную воду,
затем стирала на заднем двореке
широкие полотна простыней.
Охая и причитая,
она отстирывала багровые следы,
напоминающие
о вчерашней ночи любви.

* * *

– Ангел мой, хранитель мой,
спаси, помилуй! —
стою я, наклонившись,
над не то иконой, не то портретом,
написанным каким-то
древним мастером на трех досках,
сколоченных позади крестом.
Мой ангел – он в латах,
со щитом и мечом,
за спиной у него огромные крылья.
Художник не следовал
никаким канонам иконописи,
кроме поста, разумеется.
В лице ангела нет ничего

от греко-латинского профиля.
В его лице я вижу знакомые черты.
Да-да, те же глаза на портрете
в золоченой гипсовой раме,
которые часто пугали меня,
потому что следили за тем,
как я играю на фортепиано!
А ещё на моей шее твой крест
из темно-зеленого камня,
обрамленный в металл.
Я его нашла среди других вещей
и сразу поняла, что он твой!
Няня сказала,
что нельзя носить чужой крест,
потому что возьмешь
«лишние» грехи на себя
и испытаешь судьбу человека,
его носившего.
Она по понятной причине
мне такой доли не желала
и велела мне снять
и выбросить эту проклятую вещь.
Мама поведала,
что вы обменялись крестами
со своим лучшим другом.
Этот «названный братец»
впоследствии совершил первый
и самый тяжкий
из семи смертных грехов —
УБИЙСТВО.
Ты же – мелкий,
но более «карательный»
со стороны людей —
воровство чужих сердец.
За что и был тягчайше наказан —
насильственно лишен жизни
своим лучшим другом.
Но это уже не по Ефрону
и даже не по Брокгаузу.
И тем более не по закону Божьему!
«Во всех преступлениях мира
виновата любовь!» —
вещает философ средневековья.
Наталья так любила тебя,
что не давала тебе проходу,
а ты охладил к ней.
«Как так охладил? Так легко?» —
плакала в телефон Наташа.
«Как у вас, у молодых, все просто!» —

ворчала добрая няня.
«Обиженная женщина
готова на многое, сынок!» —
остерегал тебя отец.
Тут девушка проявила
поистине женское коварство:
шепнула твоему лучшему другу,
мол, убьешь его – буду с тобой!
Просил ли он время на раздумье?
Испытывал ли муки совести?
Или его глаза застлала
безумная любовь к этой женщине
и слепая ревность к другу?
«Одному Богу известно!» —
говорила няня.

* * *

*Мальчик сказал: хочу быть героем
И звезды чтоб только с неба хватать!*

На календаре март, восьмое число.
Солнце плавит серый лёд,
птицы льют трели,
звонят весенние капли!
«Весенний праздник!
Кто же помнит о смерти?!» —
воскликает древнекитайский мудрец.
Ты ушёл из дома с самого утра,
сказал, что скоро будешь,
но что с тебя возьмёшь?!
Ветреный мальчишка
сбежал на свидание!
Но случилось так,
что ушёл навсегда.
Вскоре пропала
и твоя любимая кошка.
Помню, что я совсем крохой
залезала под стол
и гладила её по чёрной
лоснящейся шерсти.
Кошка убегала,
не вынося цепких детских рук.

* * *

Книжный шкаф.
Боже мой, сколько интересного
стоит на его пыльных полках!
Книги в разноцветных
узорных переплетах
для меня пока делятся
на «сказки» и «несказки».
Твой отец лежит на старом диване
и читает для меня сказки.
Мне очень хочется,
чтобы он почитал еще!
У него от усталости слезятся глаза,
он протирает очки
в роговой оправе
полой клетчатой рубашки.
— Ольга! Ну хватит мучить деда!
Он устал, а тебе пора спать! —
вступается за него мама.
— Ну еще одну сказочку на ночь! —
начинаю канючить я.
А еще я прошу деда
нарисовать мне что-нибудь.
Он берет ручку
и рисует «оловянных солдатиков».
Я так не умею,
у меня выходят одни каляки-маляки.
Иногда он учит меня игре в шахматы,
хотя мама говорит,
что в них играют
только взрослые дяденьки!
А мне забавно:
вот король, вот королева,
вот офицеры,
лошади, пушки... солдатики!
Все как в настоящей войнушке
у мальчишек!
А по телевизору другая война:
Влад Листьев.
Поцелуй в лоб контрольно.
Стоп-кадр: пешка утеряна
в лабиринте батареи
центрального отопления.

* * *

Еще не закончилась эра
«голубых» экранов,
социалистически
бумажно-красных гвоздик,
искусственных елок
с пластмассовыми овощами
и космонавтами на ветках,
сервантов с посудой из ГДР
в нежно-августовские астры,
люстр с «сосульками»,
с салатно-зелеными коробочками
выключателей.
Думаете, что за бред?
А это целая эпоха бредовой мысли!
Фаянсовые фигурки —
тогда для меня просто
красивые игрушки,
но, как оказалось,
они довольно хрупкие.
Я грохнула одну из них,
а она оказалась из мела.
Все думали, что это фаянс,
а она была сделана из мела!
Склянки с мамиными духами.
Еще тогда, в детстве,
я питала страсть к французским духам!
Я любила выпускать
из этих флаконов
ароматных «джиннов»,
а открывая, случайно проливала.
Благоухающие капли
предательски расползались
по полировке шкафа и по паркету,
оставляя удушливо липкие следы.
— Fidgi²! —
узнавала по следам мама
— Только не Ispahan³! —
сокрушалась она.
— Ольга! —
кричит мама в праведном гневе.
— Мама, я пробую мир на вкус! —
оправдываюсь я.

² Духи Fidgi Guy Laroche выпущены в 1966 году парфюмером Жозефиной Катапано.

³ Духи Ispahan Yves Rocher выпущены в 1977 году.

* * *

Вот в глубине
этого «сундука с сокровищами»
я и обнаруживаю
твой блокнот с терракотовой обложкой,
если перелистать странички
на максимальной скорости —
мышка Микки побежит
за мышкой Минни,
но не это
привлекло мой детский ум.
*«Кто-то кого-то
кем-то как-то куда-то...
Мир на вкус волокнист,
как сладкая вата...
Я надеваю шинель
погибшего брата...»⁴*
Я плыву по волнам
твоих строк и строф!
Я читаю твой дневник...

⁴ Из стихотворения «Ракенрол» Яшки Казановой.

Богиня первая

Манечка Громова —
моя любимая нянюшка.
Была она из семьи
так называемых «раскулаченных».
Соседи бросали косые взгляды.
— Кулаки! — кричали им вслед.
Манечка испуганно озиралась на мать:
«Что же они им такое сделали?»
Ставни заколотили гвоздями,
со двора увели всю скотину.
Особенно больно
было смотреть на животину,
когда гнали колхозное стадо
мимо родных ворот.
Коровушки рвались домой
и получали от пастухов порцию кнутом.
Василиса — её мать — красивая
и статная женщина умерла,
когда Манечке было лет восемь,
говорят, сердце
не выдержало такого горя.
Старухи судачили наперебой.
— Я ей кричу, надевай всю одежду на себя!
А Васёна-то стоит
ни жива, ни мертва, как сажа бела,
онемела, голубушка,
язык отнялся совсем! — начала было баба Фима.
— Так и помёрла в пути в Сызране! —
продолжила баба Сима.
— Ой, во чужой стороне
у чужих людей, ой! — заголосила первая.
— Да не причитай ты, дура-баба! —
огрызнулась вторая.
— Ой!.. — отозвалась Серафима.
— А где Степан-то был? — вдруг спросила Евсимия.
— Незнамо где! Неведомо!
Да, и здесь он не кажется!
За Манькой-то Суклетинья смотрит, —
отвечает баба Фима.
— Да не за Манькой, а Манька за Марусей ходит,
нянькается! — разъясняет другая бабка.
— А вчерась у Дуньки Манька полы мыла! —
припоминает Серафима.
Степан — ее отец — занялся подработками
и был в вечных разъездах,

потом сбедил где-то ногу
и она запылала «антоновым огнем».
Тот «огонь» и погубил его.
Он не дал врачам отнять конечность.
Манечку взяла к себе
на воспитание тетка.
Та помогала родственнице
по домашнему хозяйству
и няньчилась с ее маленькой дочкой.
– За Марусей ходила,
доченькой ихней, вроде как нянька.
Полы мыла.
Косорезом сначала скребла,
потом полоскала тремя водами.
Сижу, реву,
слезы с лица полушалком утираю! —
пускалась в рассказы Манечка.
Потом, с достижением совершеннолетия
и до пенсии, она работала в колхозе.
Тяжело было видеть
в колхозных оглоблях животину,
которая содержалась
в их родном доме.
– Узнала я «своего» рысака,
своего Соколика!
Понурый, с седой гривой,
стоял он, привязанный к столбу,
и жевал узду, —
говорила она,
а по щекам текли скорые слезы.
В матушкиных нарядах
расхаживали жены начальства.
– Таких шелковых кофт,
шерстяных юбок,
кружевных сарафанов
и цветных полушалков
не было ни у кого в округе!
Господь все видел!
Как эта «одежа»
не сожрала этих паскуд? —
негодовала порой нянюшка.
К нам в дом
Манечка попала по совету
хорошей знакомой
в качестве няни для меня
и моей младшей сестренки.
Я любил слушать ее рассказы
про «то время»
еще при том «горошенном» царе.

Нянюшка дарила свою любовь,
заботу и ласку нам и...
кошкам, которых,
шибко осерчав,
называла «полосатыми чертями».

* * *

Еще нянюшка рассказывала
про свою сельскую жизнь.
По вечерам
она, бывало,
сидела с прялкой на завалинке.
В летнем, еще не остывшем от зноя воздухе
кружилась мошकारа,
на окне «кудрявилась»
розовая герань,
приходила кошка
и терлась о ноги
своей мягкой шерсткой.
Иногда навевалась подруга Дунька.
— Красивая, как пасхальное яичко! —
смеялась Манечка.
Девушка была видной, но неграмотной.
Она считала, что «маленькие книги» —
так в народе называли письма —
пишут только «князья»,
и вместо подписи в «бюллетене»
ставила крестик.
Когда становилось тошно
Манечка затягивала
старинную русскую песню:

*Ты святая Варвара, молю я тябе.
Ты нявеста Христова, услышь ты мяне.
У делах моих блудных мяне обличи.
И молиться ты Богу мяне научи.
Научи ты молиться, избавь от сеты.
И любить мне Бога, как любила ты.
За Яго страдания, за Яго любовь
Ты терпела муки, проливала кровь.
Диаскор в то время правителем был.
Он святую веру страшно не любил.
За купца хотел ён Ваврвару отдать.
Если нет, то дочь свою на муки отдать.
Варвара сказала на яго вопрос:
Мне никто не надо, только свят Христос.*

*Он Создатель мира, Царь Он и Отец.
Он мне даст нябеснай нятлённый вянец.
Лишь Святую Троицу чту отныне я.
И к зямному счастью непричастна я.
Отец Диаскор жа тут от зла задрожал.
Святую Варвару на муки отдал.
Воловыми жилами раны выбивал.
И жесткаю шерстью кровь он вытирал.
Варвара тярпела и молила Христа,
Чтоб Ён дал тярпения тярпеть до конца.
Варвара охотно в тямницу пошла.
Скоро утешение в тямнице нашла.
Христос своим светом ее озарил.
Кровавые раны тотчас исцалил.
За её страдания, за её любовь.»⁵*

* * *

Прихожу как-то домой,
а Манечка сидит на кухне,
«радио» слушает и плачет.
Из динамика доносится:
*Красивая девчонка,
кричат мне вслед,
красивая девчонка, а счастья нет...*⁶
Я спрашиваю:
«Ты чего плачешь?»
А она:
«Красивая, а счастья нет,
ну прям как я,
в чужой сторонушке
у чужих людей...
Сииротинушка!»

* * *

«Белая гвардия – белая стая...
здесь похоронены лучшие-лучшие...
Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа» —
хрипит и трескает виниловая пластинка.
Я повторяю за нянюшкой,

⁵ Старинная песня «Ты святая Варвара, молю я тябе», последнее упоминание – в исполнении Ольги Трушиной.

⁶ Из песни Т. Овсиенко «Игрушка».

как молитву, их имена:
Акулина, Левонтий,
Авдотья, Степан, Василиса,
Саклетина, Матрена, Степанида.
Она красит оградки в белый цвет.
Только в белый,
потому что
если в какой иной,
то мертвые не простят!
Вдруг начинается гроза.
Гром. Молния. Светопреставление.
Кульминационно-театрально.
Дождь из темно-фиолетовых туч
сыплет на голову
холодными свинцовыми пулями.
Нянюшка просит у Бога пощады,
читает «Богородицу»,
хватает меня за руку
и мечется меж надгробий.
Я-то знаю, как она боится грозы!
Боится, что молния попадет в нее и убьет.
Она выключает все электроприборы в доме,
повязывает «полущалку»
и садится подальше от окна.
Мы ищем укрытие,
но среди мертвых его не так просто найти!
Вдруг нам попадает не то беседка, не то склеп.
Пахнет сыростью,
мокрой древесиной и смертью.
Воцаряется мертвая тишина.
И только дождь
барабанит по крыше в такт сердцу,
как будто, если он прекратится,
и сердце тоже остановится
и мы прекратим свое существование!
И не будет ничего.
Только белый цвет! Белый свет! Небытие.

Богиня вторая

*Из пены родилась морской,
Ступила на брег,
Покорила навек
Сердца людей!
Ты, моя Любовь!*
Как известно
из римской мифологии,
Венера – богиня любви.
Конечно, моя Венера
не сошла с небес
и не ходила по морским волнам.
Повстречались мы,
я бы сказал, волей случая!
И земля не ушла из-под наших ног,
как бывает у влюбленных
с первого взгляда.
Письма, километры строк к тебе,
несу слова,
несу улыбки,
поцелуи несу,
но как мне вынести
прощание с тобой!
– Сегодня ничего! —
сочувствующе говорит мне почтальон.
И завтра, и послезавтра тоже.
Пишу на магнитную ленту слова,
тебе должно понравиться,
ведь ты так любишь
мой «янтарный» голос!
Но ответа не последовало.
Молчание,
как будто мои слова уходят
в сливное отверстие канализации,
как вода!
У меня такая пустота внутри,
и мне нечем ее заполнить!
Я вою волком ночами!
Я все решил, решился,
хватит, устал!
Сегодня был у тебя.
Просто сел на электричку
и поехал в неизвестном направлении.
Вот так просто:
измучил, истерзал себе душу,
бросил все

и порезал
на мелкие кусочки расстояния.
Под стук колес
я несколько раз прокручивал в голове
нашу встречу.
Какая ты теперь?
Как живешь?
Чем дышишь?
Но знал одно,
что ты будешь рада,
рада мне!
В старом деревянном доме
я застал лишь твою мать,
которая была, конечно,
не в восторге
от невесты откуда
свалившегося гостя.
Но весьма благосклонно
обмолвилась о тебе парой фраз
и предложила остаться на ночь.
Я, в свою очередь, поблагодарив,
направился к выходу.
Дверь оказалась
неподатливой и тяжелой,
словно она,
сговорившись с тобой,
не пускала меня обратно.
Я шёл по узкой проселочной дороге,
а из моих глаз дождем
лились слезы.
Сердце мое было
переполнено отчаянием.
Рядом со скамейкой
на вокзале,
где я дожидался поезда,
сидел пес
и жалобно смотрел на меня.
Я выпотрошил
внутренности своего рюкзака
в поисках хлеба,
зрелище голодных собачьих глаз
для меня было невыносимым!
А ты в Москве и ничего не знаешь...

* * *

Иногда моя память

позволяет мне вспомнить тебя,
но воспоминания
всегда такие обрывочные.
Они как осколки от снаряда
в моей голове:
Ты сидишь на скамейке в парке,
я подхожу и сажусь рядом.
«Привет!» – улыбаешься мне ты.
Я хочу поцеловать тебя,
но вокруг так много людей.
Жаркий день,
медленно переходящий
в удушливый вечер.
На твой вспотевший лоб
налипли золотистые пряди.
Ах, как ты прекрасна
и похожа на «Даная»
Густава Климта!
Мы разговариваем, смеемся
и заранее грустим
о том, что надо будет прощаться.
В разговоре ты,
жестикулируя руками,
задеваешь сережку
и теряешь ее в траве.
Мы долго ползаем
на четвереньках.
Отчего ладони и колени зеленеют,
но так ничего и не находим.
Ты, торопясь домой,
огорченно бросаешь:
«Ну и черт с ней!»
Я остаюсь стоять на коленях,
решаю не сдаваться
и через битых полчаса,
нахожу невесомый серебряный шарик,
сотканный ювелиром,
будто кружево.
Это была моя маленькая победа!

* * *

Вчера встретил
твою подругу Юльку.
Та еще стерва,
ну да ладно,
речь сейчас не об этом!

– Пойдем выпьем,
Дорогой, за встречу! —
раскокетничалась она.
Юлька с жаром рассказывала,
что была недавно
в столице и видела тебя.
Да в таком неприглядном виде,
что ни в сказке сказать,
ни пером описать!
Меня распалила досада.
Я с трудом сдерживал слезы
негодования.
Ты, моя любимая, —
девочка на Тверской?
Пили огненную воду,
как полагается, студеной.
Наутро я заболел ангиной.
Я понимал,
что это не болезнь
сковала горло,
а мое чувство,
которое уже не может
держаться внутри,
а рвется наружу!
Я ведь люблю тебя
и поэтому ревную!
Ревную тебя даже к воздуху,
которым ты дышишь!
«Кто не ревнует,
тот не любит!» —
вспомнил я изречение
старой доброй няни.
Но только сейчас понял,
что не тогда человек ревнует,
когда любит,
а когда хочет быть любимым!

* * *

Спустя пару лет
я по делам оказался в Первопрестольной,
где меня встретил мой давний приятель
и рассказал мне планы на вечер.
Нагулявшись вдоволь
по широким московским проспектам,
мы решили скрепить дружбу
крепкими напитками.

Зашли в кафе-бар
«Московские дворики»
раздавить южные коньяки
и вспомнить былое,
а вспомнить, уж поверьте, было что!
В завершение вечера
друг предложил позвонить девочкам
и поехать в сауну.
Я тоже был не против,
потому что был свободен,
как ветер в поле.
Пока мы спорили
кто будет платить по счету,
прозвенел дверной колокольчик,
и в заведение
под стук собственных шпилек
продефилировали
две гогочущие ночные нимфы.
Передо мной предстала ты.
Брюнетка с небрежными локонами,
с ярким вызывающим макияжем,
то ли в коротком платье,
то ли в длинном свитере,
в пошлых черных сапожищах.
Мне почему-то представилась картина
испанского художника Диего Веласкеса,
изображающая
полулежащую обнажённую Венеру.
Она смотрится в зеркало,
которое держит перед ней Амур.
Если сказать точнее,
то перед глазами появилось
демоническое отражение в том зеркале.
Меня передернуло,
и эта судорога сознания
отразилась на моем спокойном лице.
Нет, любовная рана уже затянулась,
остался только шрам от сигареты,
которую я притушил о свою руку.
Случилось это почти машинально.
Раскуренная сигарета
тлела у меня в руке,
огонь жадно ел папиросную бумагу,
пепельный снег
падал мне на брюки.
Я промахнулся,
целясь сигаретным столбом
в пепельницу,
но ожог,

который получило тогда
мое сердце
был болезненнее.

* * *

Неожиданный звонок
посреди ночи спустя несколько дней.
На заднем фоне орут «чурки»,
и твой смеющийся
бархатистый голос в трубке:
– Милый, это ты, милый?
Я тебя сразу узнала!
– Кто тебе номер мой дал? —
как можно спокойнее говорю я.
– Твой друг,
с которым ты в «Двориках» сидел,
помнишь?
Ты так быстро ушел!
Согрей меня, милый,
у меня в душе сквозняки гуляют!
Ты меня уже не любишь? —
продолжаешь ворковать ты.
– Не звони мне больше! —
как можно холоднее говорю я.
Потом достаю
с верхней полки книжного шкафа
белый конверт с надписью,
сделанной когда-то твоей рукой:
«С ЛЮБОВЬЮ,
ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ!»
Я разорвал конверт,
и из него выпал цветок,
но он был настолько хрупкий и ветхий,
что рассыпался у меня в ладони.

* * *

И я не знаю кто ты мне!
И слов обидных
не бросай на ветер!
Больней не будет!
Все равно
земля и небо,
когда горит

торф на болотах.
И я не знаю кто ты мне!
Ты тень из прошлого,
прости,
всего хорошего!

Богиня третья

Ага, вот и твой подъезд.
Все парадные
посадили на замки,
запоры, засовы и захламили их.
Пересекаю энное количество
лестничных пролетов и...
у тебя!
Уже стою перед дверью
и жму указательным
пальцем на кнопку звонка.
За дверью раздаются
соловьиные трели
и стук каблуков.
Твоя мать в прозрачном белом пеньюаре,
на высоких шпильках
открывает дверь с видом хищной кошки,
но осекается, бросая смущенные улыбки.
Ты по обыкновению
стоишь с радиоприемником у окна
и ловишь волну.
Песен так много
и они, конечно, все о любви...

* * *

Ты пришла
ко мне на день рождения
и принесла горсть фейхоа.
Маленькие, зеленые,
с укропным вкусом
больше похожим на фенхель.
Хотя мне и понравилась
эта пряность вкуса,
но позже я познал
истинный вкус фейхоа —
Нежный, незрело клубничный,
но полноценный
в своей зеленой молодости.
Ты говорила мне,
что вы с матерью остались одни,
что у тебя умер отец.
А этот «новопреставленный»

гуляет по вещевому рынку
с какой-то молодой особой!
Ты говорила мне,
что тебя жестоко
избили местные гопницы,
а под бинтами и пластырем
ни синяка, ни царапины!
Ты говорила,
говорила, и опять это были
только слова.
Слова, ничего не значащие!

* * *

«Всего одна осталась
ночь у нас с тобой...» —
плакала в динамике певица⁷.
— Я ревную тебя! —
ты кидаешь мне в спину,
словно дротиком в мишень.
— Нет, не попала,
сердце, оно только
на одну четверть слева,
задела, но не попала! —
смеюсь я.
Потому и смеюсь,
что не попала!
Ведь ты надеешься,
что я кинусь к тебе в объятия.
О, как это глупо!
Ты хочешь погреть
свои заледенелые руки
на костре моей любви к ней!
Нет, не дам, ни за что, не смей!
Не смей! Не тронь! Не тронь!
Гитара, моя гитара!
Я же умру без нее!
Нет! Нет!
Можешь забрать все,
гитару не тронь!

⁷ Из песни Т. Булановой «Не плачь»)

* * *

Моя любимая, проститутка,
продажная женщина,
Божия тварь!
Стоит на морозе
в короткой юбке,
стоит и смотрит,
но не в глаза,
Я из машины за ней наблюдаю
Больно мне, плохо,
тошнота, отравление.
Ты променяла меня
на этих породистых сук
на шелест купюр,
на мыльный пузырь, звук.

Богиня четвертая

Ты такая кукольная!
У тебя даже ресницы
какие-то запредельно сказочные!
Они, как крылья бабочки,
трепещут.
А цвет глаз уходит
в глубокий адулярово-голубой.
Не девочка, а Мальвина какая-то!
И о любви мечтаешь сказочной.
Неприменно о принце
на белом «мерседесе»!
Мы с тобой немало соли съели,
щеки от слез горели,
грела мое сердце в своих руках
и удивлялась мне
и моей любви к ней.
Я был для тебя
каким-то космическим,
нереальным, диковинным!
И что бы я ни делал,
все было для тебя эпатажным,
причудливым,
воспалением
моей творческой натуры.
Я жил в фиолетовом настоящем,
ты – в романтично-кружевном прошлом
и мечтательно-розовом будущем!
Ты клялась мне в верности
и неделимости расстояния!
А что на деле?!
Мамин запрет,
табу на меня,
двойное табу
на всех моих чертиков из табакерки.

* * *

Не пускай чужих
в свою постель!
Не рви, не мни белья
из синеглазого льна!
Не вари чистотела

из белого тела!
Не гаси дыханием свечи,
а поцелуями речи!
Не подавляй сопротивляемость тела,
чтобы стать единым целым!
Не.....
Не.....
Не.....
Да что я тут перечисляю?
Сама можешь продолжить этот список!

Богиня пятая

Горячие точки.
Армейская гать.
Мой сапог утопает
в вонючей грязи.
Будь на связи, связист,
будь на связи!
С тобой
нас повяжет красная нить.
Мы столкнулись с тобой
на теле войны
так стремительно,
что оказались в плену
пылких чувств.
Мы столкнулись с тобой
на теме войны.
Мы запутались в проводах.
Мы упали на мартовский лед.

* * *

Дорогая,
как мало я тебя,
оказывается, знаю!
Ты стремительно ворвалась
в мою жизнь
бумажным самолетиком в окно,
неся на крыльях любовь!
Твое имя
для меня звучало, как мантра,
как поток, рвущийся наружу!
Я хотел достать
до твоего звенящего Ом!
Но...
как много в жизни
бывает этих «но»!
Но словно сама судьба
мчит тебе навстречу
в колеснице,
все больше и больше,
понуривая лошадей:
«Но! Но!»
А ты,

чтобы она тебя,
не дай бог, не придавила,
отстраняешься
и обескураженно смотришь ей вслед.
Ты испугалась меня,
ты захотела домой!
Маленькая девочка,
пускающая пузыри в стакане.
Янтарь,
горсточка солнца в моих руках!
Будет тошно – жги его ночами!
Будет тошно – кричи!
Море же рядом,
оно тебя обязательно услышит
и позовет!

* * *

Не рассказывай мне
сказки о Кенигсберге,
о янтарном берегу
и соленом море.
Синие реки
заперты на небесах!
Увидел небо в окно —
ударил по стеклу молотком.
Пошли круги по воде,
и я чуть было не задохнулся!
И что за дело юному телу
сидеть в темнице
и дуть на воду,
Когда внутри парное молоко?!

Богиня шестая

Людмила,
а для своих по-простому
Милочка, Мила.
Никто про тебя
слова худого не скажет,
ты нравишься всем абсолютно!
Ты вошла в мою жизнь
с откровенным признанием:
«Я тебя люблю»,
совершенно не спросив меня
о взаимных чувствах.
Я, конечно, возмутился
такому нахальству,
но решил посмотреть
на все это со стороны.
Посмотрел, ничего не скажешь,
живу уже с ней в съемной квартире,
сплю в одной кровати.
Вот сижу и думаю,
что меня в ней так зацепило?!
Что в ней такого особенного?
Девушка вроде бы симпатичная,
но сколько было таких!
А ума не больше и не меньше,
чем у других.
Как примерная хозяйка,
ждешь меня с работы,
готовишь завтраки-ужины,
зовешь меня Гением.
И все вроде бы ничего,
но семейная жизнь,
видимо, не по мне.
Как гром среди ясного неба!
Ангел,
ты по асфальту, как по небу, паришь,
у тебя только крыльев за спиной
не хватает!
Меня развернуло
на все 360 градусов!
Наши глаза встретились,
и между нами пробежал
разряд электричества.
Сердце мое завертелось волчком.
— Салют, мое небесное создание! —
строчу я письма тебе

и не верю своим глазам.
Я не верю
всем своим пяти чувствам,
когда тебя обнимаю.
И радость моя
не имела границ, потому что
даже быв с ней,
я представлял на ее месте тебя!
Я потерял голову и вконец обнаглел.
Не приходил домой сутками,
а она металась по квартире,
обзванивая друзей-знакомых
в поисках меня!
Мой «ключ»
уже давно не подходит
к этому «замку».
И все же я возвращался к ней,
сам не понимая зачем!
Зачем?
Ну зачем же?
Я же ее уже не люблю!
А любил ли?
Может, просто привык,
просто свыкся с тем, что она есть?
И таврическая полынь
больше не волнует мою кровь,
я отправляюсь спать на диван.

* * *

Ты готовишь мне
утренний чай с молоком.
Нежные цветки жасмина
и молодые листочки зеленого чая,
которые только проснулись
из серебристой пушистой почки.
Ты бросаешь эти составляющие
в кипящую нежно-сливочную жидкость,
потом снимаешь горячую турку с огня
и разливаешь
по холодным фарфоровым чашкам.
Ты называешь этот рецепт
жасминового чая «египетским».
Пар струится
по озябшему утреннему воздуху.
Так тихо,
что кажется: я слышу,

как стучит твое трепетное сердце.
О Боже, ты прокалываешь палец
тонкой иглой
и кровь капает,
капает в мою чашку!
Ох! – взываю я
как-то слишком громко
для этой рассветной тиши.
Ты пугаешься
и, конечно, не ожидаешь,
что я стою
практически у тебя за спиной,
и роняешь чашку.
Она со звоном
падает на кафельный пол
и разбивается вдребезги.
Я не требую от тебя
никаких объяснений,
ведь меня же предупреждали,
что ты ведьма,
что хожу я,
словно сам не свой,
как привороженный!
Мне вспомнился рассказ
старой доброй нянюшки:
Бывало, девицы
привораживали
своих возлюбленных,
добавляя им в питье свое мумие.
А мумие это то,
что сохраняет тело.

* * *

Утро туманное, утро осеннее,
город чужой,
приправленный ядом
этой любви.
Квартира.
Темное,
полуподвальное помещение,
пропитанное запахом
гниющих листьев,
где я, просыпаясь,
корчился в ломках по свободе!
Ночью ты душила меня
в своих объятиях,

да так, что на шее оставались
отметины цвета перспелой рябины.
Я молча обматываю шею шарфом,
пью вываренный чай с пряностями,
и ухожу.

*и выхода больше нет,
дороги давно закрыты,
и самых не горьких слез*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.